

Как из скуки сделать что-то

[Соломон ВОЛОЖИН](#)

Есть такой эффект: само произведение искусства (если его так называют) не производит никакого впечатления, но когда о нём пишет и цитирует его критик, оно выглядит привлекательным. Как иные города на фотографиях выглядят гораздо лучше, чем вживую.

Вот скажите, вам интересно читать такое:

«Баскаков занимался альманахом, литературным фестивалем, семинарами и образовательными программами. А кроме рассказов и повестей писал ещё и очерки и, открыв какого-нибудь самородка, носился с ним как с писаной торбой. Однажды случайно подвёз бывшего зампотеха танковой бригады, который ушёл в запас и стал делать танки. Замечательному броневому мастеру режиссёры из Москвы заказывали технику. Раз сварил «тигра» и поехал на нём по водку, а тут попался дорожный патруль. И обошлось бы штрафом, но тузлучинский прокурор прилепил ему пропаганду фашистского дела. Пришлось Баскакову звонить прокурору области и выручать.

Писал о музыканте Василии Вялкове, его песнях прекрасных и трагической кончине в упавшем вертолёте с начальством на отдыхе – истории сколь шумевшей, столь и замятой. Ездил в Турочак к его жене Марине.

Писал о Мариинском самородке Юрии Михайлове – создателе музея бересты, архитекторе, музыканте и казачьем подвижнике».

Вот эти абстракции – интересны? – Пришлось звонить... Не доводы писателя про абсурд, не реакция прокурора в прямой речи, а вот так – названием: «Пришлось Баскакову звонить...». Или: «...занимался альманахом...».

Или читатель должен, – думает автор, – впасть в благоговение от одного перечисления уникамов. Музей бересты... Я таки поразился. Подумал, что речь о берестяных грамотах (я ж горожанин, не знал о существовании берестяного промысла, думал – враньё: грамоты только в Древней Руси были, а та не распространялась на Сибирь). Спросил интернет – такой музей таки есть в Сибири... Но считать полстрочки об этом в качестве

чтения произведения, предположительно, что художественного... – Я жму плечами.

Причём, вспоминая, как воинственно вести себя стали православные экстремисты, я боюсь, не счёл бы моё пожимание плечами оскорблением национальных чувств какой-нибудь экстремист-националист. А перед цитируемым, в предыдущей главе, была, наоборот, прямой речью написана от начала до конца исповедь этого Баскакова перед неким отцом Львом. –

Тут я тоже нехудожественно, так сказать, засомневался. А как с тайной исповеди? Я маловато читал... Так я не читывал, чтоб в литературном произведении давалась от начала до конца исповедь какого-нибудь персонажа. Не демонстрация ли у автора нарушения тайны исповеди, что не допустимо? – Я опять обратился к интернету. Там первой в списке стоит целая книга об этом. Какого-то Леонова. – Открываю. – Нет. Исповедь Мцыри не тот случай. «Юность» Толстого я не читал. А ну... – Там не оказалось изображения исповеди ни прямой речью, ни вообще никак. «Бесы» Достоевского... Читал, но не помню. А ну... – Там не исповедь, а «листки, назначенные к распространению» и «новый, неожиданный и непочтительный вызов обществу» неверующего человека. «Исповедь» Толстого я читал. Это слова философствующего человека, а не исповедь для отпущения грехов. Ладно. Леонов этот предлагает ряд рассказов так называемой им приходской прозы Шантаева. – Смотрим. «В праздник». Да. Есть начало исповеди. И тут же оборвано. И потом – это ж прикладного толка произведение, призванное усилить знакомое: умиротворение религиозное. – Неужели и к «Фарту» (2017) Михаила Тарковского надо так относиться? – Я, подзабыв, как называется то, что я с такой натугой читаю, полез в оглавление посмотреть. – Так и есть: подзаголовок (как я с самого начала не заметил?) – «Рождественская повесть». – Вот чёрт. Заметил бы – не стал бы читать. – Я ж не религиозный... Впрочем, тут, наверно, другого рода произведение прикладного искусства – патриотическое. Призванное восторгать русскостью.

Вот только странно, что я не восторгаюсь. Писать статью начал оттого. (Это у меня старый способ. Наткнувшись на что-то нечитабельное, - брал в библиотеке – не знал же, что это будет, - я из осторожности {бывает же, что только дочитав до конца, тебя пронзает} я читаю понемногу и записываю своё «фэ» по ходу чтения.)

Но сейчас, после 42-х страниц, мне ещё 88 до конца надо дочитать. – Терпеть?

Терпеть можно только записывая впечатления.

Это вторая повесть Тарковского, которую я читаю. В первой («Полёт совы») был сюжетный обыгрыш того, как смертельно опасно жить в Сибири – и... какую это гордость вселяет в новичка, только прибывшего туда жить. В этой же повести, в «Фарте», перед нами не новичок. Но автор не удержался тему опасности повторить, хоть мимоходом.

Я всё больше раздражаюсь...

В первой повести автор хотя бы смеялся над своим персонажем, чересчур русофильским: ставил того в подозрительные положения по части словоприменения. А как отнестись к изображению, вот, насмешки этого литератора Баскакова над своей переводчицей? Ну хоть касательно слова «мотолаба». «МТЛБ – Light Armored Multipurpose Tracked Tractor». – Машинный перевод: Легкий бронированный многоцелевой гусеничный трактор.

Нет, ну понятно, в общем (я так и относился), что не обязательно узнавать значение каждого слова местного сленга. Они введены для образа – какие сибиряки-де сверхлюди. Так, вспомнилось, поступил когда-то Владимов в «Трёх минутах молчания» (1969). – Тоже оппозиционное произведение, шестидесятника, ополчившегося на вещизм.

«Тоже» потому, что и Тарковский – оппозиционер перед либералами, всё ещё имеющими большую силу в России и способными Россию, как таковую, погубить либерализмом.

Но смеяться персонажу над переводчицей... Причём, дистанции между автором и Баскаковым не чувствуется.

В главе «Редколлегия» я почти увлёкся.

Спросил себя: почему, – и вспомнилось, как читал где-то о Шостаковиче, что он очень любил футбол. – Почему? – Потому что там ясный процесс.

В этой главе – разговор Баскакова с женой, Леной, о причинах непопулярности патриотических писаний Баскакова в издательских и иных публичных кругах.

(Тут, правда, надо бы знать, – чего в других специальных случаях из прежних глав: про продажу подпорченного автомобиля, про исповедь и др. – знать тонкости не было обязательно, – тут надо бы знать про то, как нынче делается популярность...)

Такая странность в этой главе есть, как рецензия на сборник патриотических рассказов Баскакова с некоторым цитированием тех...

Не менее странно, чем полное описание исповеди.

И строится рассуждение Баскакова, чем он как писатель хорош и нехорош. Это меня тоже удивляет: ну как это – брать и рассуждать писателю о себе?

Пусть и персонажному...

Или в случае с прикладным искусством (в котором нет ЧЕГО-ТО, невыразимого) самообсуждение таки мыслимо и не позорно?..

(Я ж ещё не знаю и того, о чём писатели друг с другом говорят...)

Страстная русская душа... От слова «страшная»...

Это – про следующую главу, мерзостную.

Смею ли я вообще выражать абы какое мнение, если я только несколько раз садился за руль грузовика, студентом?

Вот. Переборол меня Тарковский. Забыл я про эстетику и ЧТО-ТО, невыразимое.

«По сравнению с непривычной, почти непроницаемой иноязычной буквенной массой [переводом этого Баскакова на английский] родной вариант был настолько говорящим что русские слова буквально вскричали, бросились навстречу. Ожили знакомо и разнолико. Столько одушевлённого было в качнувшемся навстречу строе...».

Надо же!

Видно, слишком надолго задержалось крепостное право в России. Из-за него русская литература стала идейной – за народ. Да с такой силой и страстью...

Когда я начал самообразование своё эстетическое, мне попалась классификация Луначарского, что искусство бывает прикладное и идеологическое. Было ещё 30 лет до реставрации капитализма. Слово «идеологическое» ещё не казалось чумным. И до меня очень не скоро дошло, что идеологическое-то – это то же прикладное. Тут оно призвано приобщать восприемника к идеям. Приобщать с эмоциями. Не сухо. Не чисто познавательно. А всемирная слава Толстого и Достоевского создали иллюзию, что они славны именно потому, что идеологическое искусство создавали. Высшего-де разряда.

И моё заблуждение, похоже, теперь вот разделяет Михаил Тарковский – мне так кажется, во всяком случае: настолько не видно разницы между ним и Басковым.

Сибирские слова им обоим не кажутся второсортными, раз они рождены от вполне осознаваемой идеи прославления русскости.

Проверить, что ли: какое образование у Михаила Тарковского? – «Окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина по специальности «география и биология». Затем работал на Енисейской биостанции в Туруханском районе Красноярского края. С 1986 года [с 18

лет] — штатный охотник...». – Может в этом дело: естественник? А литературу в школе известно, как преподают... С реставрацией же капитализма культура вообще вниз ухнула. Теперь же, с разгоревшейся информационной войной против России, от распалившихся страстей, неуловимое ЧТО-ТО, словами невыразимое, стало совсем мало кому нужным... Недопонятное, так я называть стал признак этого ЧЕГО-ТО. И вот я натываюсь у Тарковского на непонятность.

Но это не та, что есть след подсознательного идеала. – Я не уловил перехода от посещения Баскаковым «Первый раз» Боевского Свято-Никольского монастыря, разочарованным в литературе и женщине «чуждых взглядов», когда он попросился в монахи, а в ответ получил недельный – перед годичным – испытательный срок... И нынешним посещением:

«.....»

Баскаков так и не выспал ничего «путнего». С четырёх лежал в полудрёме, то в жару, то покрываясь потом и остывая, холодея от бессмысленности какой-то и непоправимости, от контраста между полной невиновностью безмятежностью утра и внезапностью катастрофы. Ворочался, метался, пытался прохладней прилечь к постели, вминал жаркую голову в подушку, сясь вытянуть спасительную её прохладу, потом также припадал ко второй подушке. Из похмельной растерзанной души не шли Ленины обезумевшие глаза, порубежный её взгляд, ненавидящее: «Пошёл вон!»». Не среагировал я на строку точек.

Это и не в монастыре оказалось: «С четырёх лежал...». Так какого чёрта было про монастырь с начала новой главы? – Предварение такое? Хэппи-энда? Помирит Баскакова с женой монастырь? Исповедь. Ура русскости? Вообще, жутко. В какой абсолют впадают люди, нацелившиеся в монахи... В Абсолют...

Меня пробил повтор про трудницу. (Это те женщины, кто проходят испытательный трудовой срок перед монашеством.)

«Такая же погода. Ветер с мороза закручивает меж монастырскими высокими стенами и гостиницей. Хрупкая трудница в красной куртке с капюшоном склоняется к чурке. Длинная чёрная юбка, узко обхватывающая ноги, фигура, изгибающаяся неловко и тонко в коленях, нетвёрдо ступающие сапожки. Оливково-зелёная, бугристая чурка, с сучком в глазке бугра. За сучок липко цепляется чёрная полушерстяная юбка. «Миленькая, вы ж надорвётесь. Давайте я...».

Трудница быстро оборачивается: «Не надо, это моё. А если хотите помочь – помолитесь...». «За рабу Божию?..» – «...Елену», – негромко говорит

трудница, глядя серыми глазами в розоватых веках, будто надутых ветром, и улыбается вдруг беспомощно и ясно. Застеснявшись неожиданной своей улыбки, поправляет лицо, и над верхней губкой горизонтальная рисочка белеет от мороза».

Воистину верна обкорнанная мною формула русского менталитета по Феофану Затворнику: «Дело не главное в жизни, главное – настроение сердца». А то, сердце, доводит до Абсолюта... Бр. Это было б ницшеанством, если б в данном случае не касалось монашества. Я даже усомнился...

Ведь ницшеанство в моём кругозоре пользуется привилегией: оно настолько необычно для большинства, что при намёках на его наличие у автора, я сразу думаю, что такая невидаль не иначе, как в подсознании гнездится. И – считаю произведение художественным. (Ну такой я экстремист эстетический.)

Ну. А чем православие хуже ницшеанства? Ведь был же век его упадка до революции. А потом 70 лет нешуточного атеизма после революции. И теперь – какая-то (у большинства) потуга, а не настоящая религиозность. – Такая же редкость, как и ницшеанство! А?

Почему мне за Михаилом Тарковским не числить Абсолюта в том сверхчеловечестве, какое он видит в сибиряках? В сибиряках, точно, как и ницшеанцы, живущих ежедневно на краю жизни и смерти...

Фабула рассказа «Фарт» – дорога к рождественской исповеди.

И «чуждых взглядов» жена Баскакова, шла, оказывается, честнее по этой дороге, чем он. – Если вдуматься: жуть же – исповедь... А и персонаж, и его автор это русскостью считают... – Почему не признать мне, атеисту, право так мыслить? – В качестве редкости, исключительности это позволит мне повесть считать рождённой подсознанием, ибо именно там где-то, представляется после лет и лет безбожия, и обитает то иномирие, с которым связано христианство новообращённых.

Даже и соответствующий образ иномирия написан:

«Тут и у Баскакова по глазам как ветром резануло. Да и в окно навалился порыв со снегом. Растворил серую бетонную стену, и сквозь неё подступила и хлынула в очи суровая и древняя даль. И будто вернула к жизни, к новой полосе».

Оказавшись совершенно во власти автора, дочитав до конца и помотав головой, как от наваждения, через минуту до меня дошло (и я не объясню, зачем так сделано у автора), что так и не показано, покаялся ли Баскаков, что продал машину без паспорта технического средства, т.е. теперь новый владелец не сможет ездить на купленной машине, а то же – с подмазавшей

гаишников Леной, уехавшей с места сделанного ею ДТП. – И что: жизнь покати́лась дальше, без раскаяния?.. Фарт?

[Соломон ВОЛОЖИН](#) - 14 марта 2018

<http://webkamerton.ru//2018/03/kak-iz-skuki-sdelat-cto>